

Кадетское письмо

№ 93. Буэнос-Айрес, сентябрь 2016

Двадцать лет издания «Кадетского письма»

В прошлом 2015 году исполнилось **двадцать лет второго периода издания «Кадетского письма»**. Этот печатный орган русских кадет в Эмиграции первоначально был основан в 1955 году, в Буэнос-Айресе, Алексеем Гордеевичем Денисенко, секретарём Общекадетского Объединения в Аргентине. Основатель «Кадетского письма» был кубанским казаком, коренного запорожского рода. Тринадцатилетним кадетом он эвакуировался с Русской Армией из Крыма в 1920 году, а в 1927 году окончил Крымский Кадетский корпус уже в Изгнании, в Югославии, в составе 7-ого выпуска. В Аргентину он прибыл из Италии в 1947 году.

Журнал «Кадетское письмо» выходил четыре раза в год и имел около 30-и страниц, в размере стандартного письма. Каждый номер начинался передовицей в одну-две страницы, а затем следовало «Международное обозрение» в несколько страниц. В журнале также печатались статьи на исторические и мировоззренческие темы и письма кадет со всего мира. Издание журнала прекратилось со смертью его редактора в 1961 году. В этом первом периоде издания «Кадетского письма» всего вышел 21 номер журнала.

Через 34 года, на Общем собрании Кадетского Объединения в Аргентине, в июле 1995 года, было решено возобновить издание «Кадетского письма», в виде бюллетеня, под редакцией председателя Объединения И. Н. Андрушкевича, уже сотрудничавшего в этом кадетском органе на первом этапе его издания. На этом Общем собрании присутствовало более двадцати членов Объединения, в том числе старшие кадеты граф А. А. Коновницын, кадет санкт-петербургского Пажеского корпуса, и А. Е. Эльснер, кадет новочеркасского Донского кадетского корпуса. Первый номер «Кадетского письма», в виде бюллетеня, под новой нумерацией, вышел в ноябре 1995 года.

Общее собрание Кадетского объединения в Аргентине тогда решило, что «Кадетское письмо» должно придерживаться на новом этапе издания своего первоначального профиля и уделять особое внимание не только информации о кадетском движении в России и в Русском Зарубежье, но также и **анализу макрополитических перспектив в современном мире**. Русские кадеты в Русском Зарубежье волей судьбы неожиданно оказались на Западе, и должны честно и открыто доносить до России – и для России – свою информацию и свой анализ увиденного, услышанного и познанного.

В этом 93-м номере «Кадетского письма» отмечается этот его 20-летний юбилей воспроизведением пяти статей с макрополитическими анализами, опубликованными в нём между 2001-м и 2008-м годами. +

Комплекс неполноценности современного Запада

(Кадетское письмо, № 56. Август 2008 года)

Если проанализировать мировые события после коллапса коммунистического блока в 1990 году, то можно довольно легко установить несколько главных тенденций этого развития. Одной из этих тенденций, несомненно, является неукоснительное агрессивное продвижение Запада (сегодня деградированного в атлантический блок) на геополитическое пространство бывшей Всероссийской Империи, в свое время тоже деградированной в бывший советский блок.

Характер этого продвижения Запада сильно зависит от самой территории, на которой оно происходит: если таковое продвижение осуществляется на пространстве стран исторически когда-то принадлежавших Западу, то это продвижение происходит сравнительно плавно и неконфликтивно. Однако, как только это продвижение Запада на Восток вступает на территории исторически и культурно не относящиеся к Западу, характер этого продвижения существенно меняется. Продвижение наталкивается на сильные затруднения, какие Запад приходится преодолевать с помощью его стандартных методов: внедрения и вызова **расколов**, а затем и расчленений. Для серьезного анализа такой методологии абсолютно необходимо предварительно установить **исходные позиции** этих процессов.

В первую очередь необходимо обратить внимание на доселе полностью игнорируемый факт, что само по себе понятие **Запада** предполагает и требует наличие **также и Востока**. Ведь Запад является Западом лишь по отношению к Востоку. Если бы не было Востока, то не было бы и Запада. Трагедия Запада заключается в том, что он страстно хочет быть **Западом без Востока**, а так как этот Восток всё же, несмотря ни на что, продолжает существовать, то Западу необходимо этот Восток не только игнорировать и стараться как-то убрать со своего пути, но даже объявить несуществующим. Говоря другими словами, **Запад хочет, чтобы Восток стал частью Запада**. В этом кроется корень фундаментальной тенденции Запада к **идеологическому тоталитаризму**: одна **часть** претендует стать **всем целым**, и даже не хочет допускать мысли о возможности сосуществования других частей.

Исторически впервые такой **каинов комплекс Запада** по отношению к Востоку проявился со всей очевидностью против Византии в 1204 году, когда Четвёртый «крестовый» поход коварно напал, занял, осквернил, разрушил и ограбил Константинополь. После этого, таких походов Запада на Восток, удачных и не удачных, было немало. В этом и заключается глубокая **трагедия неполноценности** Запада, что он уже никак не может существовать без таких походов. Однако, одновременно, трагедия Востока, сиречь Византии и ее сегодняшних наследников, заключается в том, что этот Восток всё же никак **не может забыть**, что он является Востоком **по отношению к Западу**, а значит, что Восток, вместе с Западом, является **частью** некоего совместного **общего целого**.

Так Византия, даже после своего разгрома Западом в 1204 году, в течение двух с половиной веков частично всё еще надеялась на какой-то сговор и на какое-то примирение с Западом, и даже на помощь с его стороны против тогдашних варваров. Так и сегодня, половина населения несчастной Сербии, после всех вероломств, нападений, расчленений и прочих козней Запада, несмотря ни на что, продолжает надеяться на возможность какого-то для нее, яко-бы выгодного, «модус вивенди» с Западом. Однако, «модус вивенди» с Западом для Сербии и для России возможен только лишь **после ликвидации тщетных и неуместных надежд на доброжелательство Запада** по отношению к себе. Только лишь ликвидировав окончательно всякую мечту о доброжелательстве Запада по отношению к себе, православные страны византийской традиции смогут найти пути и возможности для сожительства с Западом. Между прочим, известный русский богослов, отец Георгий Флоровский (бывший преподаватель Закона Божьего в Первом Русском кадетском корпусе в Югосла-

вии), считает, что своему историческому успеху Москва в значительной мере была обязана именно решению **быть самой собою**, то есть Москвой, но не вторым Константинополем или его прямым продолжением. (*Пути русского богословия*. Париж, 1937). Москва Западу не верила и на Запад не надеялась, что отнюдь не значит, что она не желала с ним сосуществовать. Да и Петербург, в конечном итоге, лишь хотел создать более выгодные условия для этого сосуществования с Западом, чтобы стать его **равноценным** партнёром, но отнюдь не превратиться самому в его придаток или составную часть. Эта последняя мечта пришла позже и была на самом деле искажением первоначального петербургского замысла. Это искажение было одним из видов всё тех же, идущих с Запада, провокаций.

Также необходимо учитывать несомненное культурное превосходство Востока в момент первоначального отхода Запада от своего прежнего гармонического сосуществования с Востоком. Как пишет в указанном труде отец Георгий Флоровский, в последние века своего существования Византия переживала при династии Палеологов культурное и религиозное возрождение, которое не только хронологически предвляло позднейший ренессанс в Италии, но и было одной из его причин. Причем нельзя забывать, что Византия была не только под боком Италии, но и находилась в самой Италии, в Калабрии и Сицилии. Лишь после падения Византии и после почти одновременного открытия нового мира в Америке, начинается ускоренное культурное и экономическое развитие Западной Европы, в то самое время, когда многие традиционные территории Восточной Европы изнывали под варварским игмом. В Западную Европу незадолго до этого снова попадают околным путем, через арабский мир, многие труды классической Греции, каковые наряду с римским правом, сохранившимся в законодательстве византийского императора Юстиниана, формируют **первоначальный скелет** западноевропейской идеологии, иногда в частично искаженном виде. На этом пути своего развития Западная Европа смогла тогда опередить европейский Восток, а своему экономическому и технологическому перевесу она сумела придать также и оттенок идеологического перевеса. Особенно в течение 19-го и 20-го веков, на идеологическое вооружение Запада были взяты древняя афинская (сиречь восточная) демократия и римское правосознание, сохранённое лишь в Византии, и, в результате, тогда было провозглашено, захватившими власть в Западной Европе сектантскими меньшинствами, «тотальное превосходство», ими же составленных, «**правил игры Запада**».

Однако, современный отказ североамериканской половины атлантического Запада от **принципиального превалирования международного права** над собственными интересами, на фоне общего **религиозного, духовного и этического упадка современного Запада**, неизбежно подтачивает претензии его идейного и морального превосходства, не только над Востоком Европы (византийского происхождения), но и над остальными мировыми культурами. В результате, атлантический Запад неизбежно идет к сознанию своей собственной частичной **неполноценности**, пока что еще тщательно скрываемой.

Именно в этом заключаются глубокие причины сегодняшних проблем Запада, а не только в тех или иных неудачных экономических и международных политиках отдельных западных правительств. Фрэнсис Фукуяма, в одной своей статье, перечисляет «*три специфические зоны слабости США*»: 1. Упадок эффективности публичного сектора; 2. Лень части североамериканцев для понимания мира в иной, не американской перспективе; 3. Поляризованная политическая система, ставшая неспособной обсуждать возможные решения указанных проблем. Другой известный мыслитель США, Самуэль Хантингтон, считает неизбежным упадок США, главным образом, по расовым причинам: неудержимый рост испаноамериканских (главным образом мексиканских) элементов в населении США меняет коренным образом профиль этой страны, доселе бывшей «WASP» («белой, англо-саксонской и протестантской»). Как видно, при таких диагнозах, перспективы на существенное улучшение положения Запада не очень положительные. Одновременно, будут ожесточаться и проявления его озлобления против возрождения России, в силу усиливающегося комплекса собственной моральной неполноценности.

И. Н. Андрушкевич

Россия до Катастрофы, по Менделееву

Без коммунизма, Россия сегодня имела бы население в 600 миллионов жителей

(Кадетское письмо, № 37. Октябрь 2003 года)

В предыдущем номере «Кадетского письма» было отмечено, что великий русский ученый Д. И. Менделеев, уже около ста лет тому назад, высчитал, какое население должна была бы иметь Россия в 2000 году. Конкретно, Д. И. Менделеев высчитал, что Россия к 2000 году должна была бы иметь население в 594 миллиона жителей, если бы естественный прирост ее населения продолжал сохраняться в том же ритме, как и в его (царское) время.

Эти данные подробно анализируются Менделеевым в его книге «**К познанию России**», вышедшей в свет в 1906 году, на основании Переписи Всероссийской Империи 1897 года. Этот труд затем был переиздан в 1952 году в Буэнос-Айресе известным русским белым эмигрантом А. А. Власовым, ставшим крупным судовладельцем в Аргентине, Англии, Монте-Карло и в других странах. Этот замечательный научный труд разбирает и анализирует глубоко и подробно все данные Царской Переписи 1897 года, сохраняя, таким образом, для будущей истории точные научные данные о действительном положении Государства Российского в начале прошлого века (Д. И. Менделеев дополняет цифры 1897 года данными последующих восьми лет, вплоть до 1905 года), а также формулирует **научную программу** (не партийно-идеологическую) для будущего России. В книге 157 страниц, с приложением пяти статистических таблиц и карты России, с её разделением на 19 отдельных краев.

Этот научный труд Д. И. Менделеева знаменателен во многих отношениях. Однако наибольшее впечатление он производит своим строго объективным и правдолюбивым характером, категорически отличающимся от недоброкачественной и несостоятельной гнилой восторженности партийно-идеологических программ тех же лет в России. Невольно приходят на память слова Аристотеля, высказанные им в его капитальном труде «Политика», о том, что наряду с программами профессиональных политиков существуют также и **политические программы идиотов от политики**. Аристотель рассказывает о том, как известный архитектор Ипподам, построивший крепостные стены вдоль дороги, ведущей из Афин к его порту Пирею, вдруг возомнил себя также и государственным деятелем (политиком) и решил, помимо архитектурных планов, сочинять также и политические программы. Это и была первая политическая программа в истории человечества, которую Аристотель называет «программой профана», сиречь, по-гречески, **программой идиота**. Задача настоящих учёных (философов) как раз и заключается в том, чтобы разобраться в разных программах и установить, какие из них являются положительными государственными программами, а какие идиотскими утопиями. Именно это и делает в своем труде Д. И. Менделеев, отмечая с научной беспристрастностью идиотизм тех или иных идеологических словоблудий, в том числе и коммунистических, уже тогда накликавших беду на Россию.

В 1897 году Государство Российское состояло из **97 губерний и областей**, в каковых насчитывалось всего **816 уездов**. Д. И. Менделеев разделяет их на **19 земель или краев**. В первой таблице, на шести страницах, перечисляются эти края и губернии с данными о числе их жителей. Д. И. Менделеев перечисляет края Царской России в следующем порядке: Петербургский край, Ливонский край, Польский край, Малороссийский край, Литовско-Белорусский край, Подмосковная земля, Средне-Русская земля, Верхне-Волжская земля, Пермская земля, Нижне-Волжская земля, Южно-Русский край, Кавказский край, Закавказский край, Закаспийский край, Южно-Сибирский или Киргизский край, Восточно-Сибирский край, Западно-Сибирский край, Северно-Русский край и Финский край.

Общее население всех этих 19-ти земель и краев, образовывавших Российское Государство до Катастрофы 1917 года, в 1897 году составляло 128.239 тысяч жителей, из них мужского пола 63.764 тысячи и женского пола 64.475 тысяч. В таблице также указано распределение жителей по возрасту, из которого явствует прогрессивный характер демографического положения в Царской России. Жители в возрасте до 10 лет составляли 27% всего населения, от 10 до 20 - 21% и от 20 до 30 лет - 16%. Таким образом, жители Царской России в возрасте до 30 лет представляли 64 % всего населения страны. Последние же две возрастные группы (то есть пенсионные возрасты свыше 60 лет) вместе взятые не доходили до 8% всего населения. Менделев вычисляет прирост населения России за истекшие 9 лет после переписи 28 января 1897 года. Этот реальный прирост населения для всей России превышает 1,5 % в год. Однако, Д. И. Менделеев отмечает, что реальный прирост для 50 европейских губерний для 1897 года равнялся 1,8 % в год.

Согласно этим данным, Менделеев вычисляет население России на будущее. В момент выхода в свет его книги **в 1906 году, население России**, по его подсчетам, **достигало приблизительно 147 миллионов жителей**, то есть больше, чем сегодня, через 110 лет, в посткоммунистической России. По его подсчетам, население России к 1910 году должно было достигнуть 156 миллионов, к 1950 году – 283 миллионов, а **к 2000 году – 594 миллионов**. По поводу такого демографического роста России до Катастрофы 1917 года Менделеев пишет: *«Для меня высшая или важнейшая и гуманнейшая цель всякой «политики» яснее, проще и осязательнее всего выражается в выработке условий для размножения людского»*. (Стр. 14). Однако, в результате Катастрофы 1917 года и последовавшего за ней коммунистического режима, СССР по переписи 1959 года имел 209 миллионов жителей, а посткоммунистическая РФ в 2000 году около 146 миллионов, т.е. почти **на 450 миллионов меньше**, чем должно бы было быть без коммунизма, согласно Менделееву. По подсчетам профессора И. Курганова, *«общее количество людских потерь в СССР за время диктатуры коммунистической партии с 1917 по 1959 годы – 110,7 миллионов, в том числе потери в военное время 44,0 и потери в невоенное-революционное время 66,7 миллионов.»* («Посев» № 12, 1977 г.). Менделеев также отмечает, что *«общее число умалишенных, глухо-немых, слепых и немых во всей Империи достигает по Переписи 545 тысяч человек, что составляло на 1000 жителей немногим более 4 человек. Примечательно, что это процентное отношение почти во всех краях выходит одинаковым. Это постоянство тем характернее, что оно сохраняется даже в больших городах. Например, в Петербурге 4,1 на 1000, а в Москве 3,7 на 1000»*.

На основании данных Переписи, Менделеев вычисляет, что *«при том невероятном случае, когда все способные к работе по социалистическо-коммунистической программе будут подгоняться на работу, останется 42,6 миллионов работоспособных»*. (Стр. 32).

Значит, Менделеев предвидел возможность попыток применения **«социалистическо-коммунистической программы»**, как он пишет, хотя он это и считал «невероятным случаем». Однако через две страницы он снова возвращается к такой катастрофической возможности, каковая будет преодолена лишь *«когда правительства крупнейших государств всего света дойдут до сознания необходимости быть сильными и достаточно между собой согласными для подавления всяких войн, революций и утопических начинаний анархистов, коммунистов, и всяких иных «Больших Кулаков», не понимающих прогрессивной эволюции, совершающейся во всем человечестве. Заря этого общего соглашения народных правительств видна уже в Гаагской, Портсмутской и Мароккской конференциях, хотя до правильно организованного служения тут и во всем ином еще далеко, уже потому, что сперва надо перестать кичиться одним народам и расам перед другими»*. (Стр. 34).

Во 2-ой таблице дается распределение жителей России по природному их языку и по вероисповеданию. Согласно подсчетам Д. И. Менделеева, по Переписи 1897 года **русские составляли 65,6% всего населения России**, из них 43,5 % великороссов, 17,5 % малороссов и 4,6% белоруссов. Поляков и других славян было 6,4%, литовцев и латышей 2,5%, евреев 3,2%, грузин и кавказских народов 2%, финских народов 4,5% и турецко-татарских

и монгольских народов 11,2%. Менделеев затем переходит к проблемам школьного образования. Он обращает внимание на упадок этого образования в его время: «Уже одно то, что стачки и забастовки последнего времени повели свое начало во многих местностях России именно от высших и средних учебных заведений, говорит для меня совершенно ясно, что образование, вообще говоря, в России за последние годы сильно упало... Конечно, не только живет еще остаток от прежнего времени расцвета русского образования, но есть и между новыми учащими и учащимися некоторый процент таких, которые понимают, что дело политики ни под каким видом нельзя смешивать с делом обучения». (Стр. 50). **Менделеев критикует «эпоху толстовских преобразований учебного дела... по примеру всей Западной Европы».** Менделеев подчеркивает, что «семена истинного просвещения должны быть направлены на добро и пользу».

Тоже весьма интересны данные и анализы Менделеева о количестве государственных служащих в Царской России. Он отмечает, что число полицейских чинов в Лондоне в 10 раз больше, чем в Петербурге, а «во Франции более 500 тысяч казённых служащих, не считая выборных, а у нас с «выборными» менее 340 тысяч, жителей же у нас с лишком в три раза более, чем во Франции. Примечательно, что общее число всех перечисленных выше служащих во всей России составляет лишь 336 тысяч, то есть около одной четверти процента всех жителей, тогда как даже умалишенных и тому подобных лиц с физическими недостатками всего 0,4% (545 тысяч)». (Стр. 67).

После этих данных о государственных служащих в Царской России, весьма интересны следующие за ними замечания Д. Менделеева: «Если последних жители содержат своими трудами по причине господства гуманных начал, то по причинам никак не менее важным совершенно разумно содержать на общий счет не только гражданских служащих, но и других общественных деятелей, вызываемых, с одной стороны, для борьбы со злом, несомненно существующим в мире..., а с другой стороны для специального содействия всему движению общества вперед и сохранению порядка. Ведь всех разрядов лиц, находящихся на общественном виду, в России лишь около 2,16 миллионов, то есть около 1,7%, что во всех отношениях очень немного не только по сравнению с тем, что видим в других прогрессивных странах, но даже с тем, что, без сомнения, существовало в давние, полупатриархальные времена, хотя от этих последних статистических сведений осталось очень мало». (Стр. 68).

В заключение необходимо отметить следующие интересные указания Д. Менделеева для долгосрочных стратегических планов России:

«Мне нет нужды говорить о необходимости военной силы не только для ограждения от врагов внешних, но и от врагов внутренних, против которых везде, т. е. во всем мире, не исключая никаких республик, от европейских до американских, военную силу приходится применять, потому что полицейской силы часто недостает для борьбы с нетерпимым злом и озорниками. Главный или основной смысл военных сил, конечно, состоит в ограждении от врагов внешних, **которые нам-то грозят со всех сторон,** исключая разве что Ледовитого океана, составляющего наш базис защиты. Уже по этому одному Ледовитый океан должен обратить на себя русское внимание, как я старался доказать это выше... Не желая долго останавливаться над этими предметами, я все же хоть мельком выскажу ту мысль, что Россия, держа войско и не поддаваясь утопическим соблазнам «разоружения», может, благодаря своему положению, играть важную роль в общем концерте мирного соглашения всех стран, и это будет тем легче, чем плотнее она сблизится с Китаем, так как в этом последнем должно ждать быстрых успехов и так как народа в нем больше (около 430 милл. жителей), чем у какой-либо другой державы, а следовательно и войск может быть очень много. Дружественное сближение с Китаем полезно тем более, что Китай граничит с нами непосредственно, и если задумает что-либо противу Европы, то прежде всего может причинить нам много зла. По отношению ко флоту, моя мысль скажется ясно, если я повторю **желание флотом завоевать прежде всего Ледовитый океан и содействовать ограждению русских интересов в Великом океане и на Черном море,** а в замерзающем Балтийском море ограничиться только действительно

необходимыми приспособлениями. (Часть того, что сюда относится, изложено уже мною в «Заветных мыслях»). Вместо громадных денежных затрат на новый сильный флот, мне кажется, было бы гораздо важнее для всего народного быта затратить средства на торговый флот, тем более, что он подготовит и военных моряков. Англия была слаба военным флотом, пока «Навигационным актом» (1651 г., при Кромвелле) не создала громадной силы своего торгового флота». (Стр. 68).

В. Михайлов

Мировая атлантическая гегемония в исторической перспективе

(Кадетское письмо, № 28. Июль 2001 года)

Историческая подоплека

В 2001 году исполнились три шестидесятилетия и одно семидесятилетие, имеющие прямое отношение к построению современного мирового порядка, главным образом покоящегося на мировой гегемонии североатлантического военно-политического блока НАТО, имеющего своей центральной осью США и Англию. Вокруг этой центральной оси, за это время была кропотливо соткана сложная многоцветная паутинообразная сеть, для тотальной гегемонии над всем миром. Создание этой сети было провозглашено уже в 1934 году известным английским историком Арнолдом Тойнби, сотрудником британской разведки, членом британской делегации на Парижских мирных конференциях в 1919 и 1946 годах и руководителем британского Королевского института международных отношений. В начале своего 12-томного "Исследования истории" он пишет: *"Запад припер к стенке современные ему цивилизации и запутал их в сетях своего экономического и политического превосходства, но еще не отнял у них их отличительных культур"*. Значит, те исторические процессы, видимыми вершинами каковых являются эти годовщины, имеют долгую и сложную историческую подоплеку.

В июне 2001-го года, когда исполнилось первое из этих трех шестидесятилетий, были совершены три символические петли, для дальнейшего плетения недостающих секторов этой грандиозной мировой сети:

1. Президент Джордж Буш, во время своей поездки в Западную Европу и Прибалтику, подтвердил дальнейшее "устремление на Восток" НАТО, точно определив прицел этого устремления: "все новые демократии между Балтийским и Черным морями". Как известно, созданное более одиннадцати веков тому назад Русское Государство геополитически являлось "путем из Варяг в Греки", мостом между Варяжским и Русским морями. Правда, тогда в Европе, на Западе и Востоке, никаких "демократий" еще и в помине не было, ибо демократии считались всего лишь "подпорченными республиками", согласно первоначальным точным определениям самих создателей этого выражения. (А до открытия Америки еще не хватало более шести веков).

2. 28 июня, в день сербского православного национального праздника "Видовдан" (день святого Вита), когда православные отмечают "предпочтение Небесного Царства перед земным", высказанное в этот день святым князем Лазарем, было провозглашено "первое действие глобального правосудия, экзекутором какового является НАТО". (Имелась в виду выдача Слободана Милошевича Гаагскому суду ООН, наперекор решению Конституционного суда Югославии и против воли президента Югославии Коштуницы, определившего эту выдачу "незаконной и неконституционной". (Как видно, Коштуница еще не понял, что "глобальное правосудие" стоит выше законов и конституций.)

3. Почти одновременно, папа римский Иоанн Павел заявил во Львове, что (Западная) Европа должна дальше продвигаться на Восток, а сама Украина должна стать важным зве-

ном в этой "Европе до Урала". К сожалению, он не уточнил, будет ли в таком случае Россия сокращена на территорию от Украины до Урала, и в таком виде включена в (Западную) Европу, или она будет оттеснена за Урал? Интересно, что Папа в данном случае лишь повторяет давнишние формулы своего соплеменника Збигнева Бжезинского, уже в 1963 году выдвинувшего их в испанском философском журнале "Ревиста дель Оксиденте". Что же касается роли отчуждаемой от России ее окраины Украины, для ее использования в агрессии против остальной России, то в этом вопросе Папа следует доктрине иезуита Поссевина, сформулированной еще во времена царя Иоанна Грозного.

Три шестидесятилетия

В 2001 году исполнилось 60 лет со дня нападения Германии на СССР, 22 июня 1941 года. В этом же году также исполнилось 60 лет со дня нападения Японии на США, 7 декабря 1941 года. В результате этих двух событий, Вторая Мировая война превратилась из европейской в планетарную войну. Сегодня, через шестьдесят лет после этих событий, их современные результаты не совсем понятны на первый взгляд: побежденные в этой войне страны-агрессоры сегодня занимают второе и третье место во всемирной экономике (и аналогичные места по уровню жизни своих обитателей) и являются важными союзниками своих бывших врагов, в то время, как одно из государств победителей уже больше не существует, а его расколотые части занимают сотые (или еще худшие) места, в списке стран мира по экономическому благосостоянию.

Однако, именно в недрах этой первой в истории человечества действительно всемирной войны зародился современный новый глобальный мировой порядок, в рамках которого сегодня и проявляются выше отмеченные парадоксальные позиции стран участниц этой войны. Но этот новый мировой порядок не вытекает исключительно из этих двух событий. Между ними произошло еще одно исторически важное событие, чье шестидесятилетие тоже исполнилось в 2001 году: в августе 1941 года состоялась в море перед Террановой так называемая атлантическая встреча Винстона Черчилля, главы правительства воюющей Великобритании, и Франклина Рузвельта, президента тогда еще нейтральных США. На этой встрече была выработана Атлантическая хартия, являющаяся своего рода макроконституцией нового мирового порядка. Сразу после окончания этой встречи, Винстон Черчилль заявил 24 августа 1941 года по радио: *"Эта встреча была символической, навсегда запечатлевшей на страницах истории единство англоязычных наций и их решение **взять в свои руки управление и судьбу** всех трудящихся масс на всех континентах."* Предварительно, за 10 лет до этого, 31 декабря 1931 года, было создано "Британское содружество наций".

Долгосрочные планы

Конечно, такие гигантские исторические процессы не происходят самотеком, а являются результатом сложных долгосрочных политических планов.

Несмотря на их конспиративность, такие планы иногда частично приоткрываются. Например, ровно сто лет тому назад, судья США Спир (Speer) заявил в июне 1901 года, что через сто лет Россия и США будут бороться за первенство в мире. Тогда (то есть сегодня) развяжется страшная борьба между "деспотизмом, олицетворяемым Россией", и "свободой и цивилизацией, символически представляемых США". Остальные нации будут лишь "пигмеями, дробящимися на части". Посему, рекомендовал сто лет тому назад этот судья США, необходимо единство англосаксонской расы. Любая попытка ослабить это единство будет преступной и враждебной по отношению к самой цивилизации. Интересно, что Винстон Черчилль, в своих мемуарах немного приоткрывает занавес над некоторыми методами таких политических сооружений. Он пишет, что Англия всегда старалась добиться политического равновесия в Европе, для чего ей приходилось постоянно менять своих союзников. Лорд Дизраэли сказал по этому поводу: *"У Англии нет постоянных друзей, ни постоянных врагов, а только постоянные интересы"*. Англия никогда не допускала в Европе гегемонии

никакого другого государства. Когда же на историческом горизонте появлялись претенденты на такую гегемонию, Англия пыталась сколотить коалицию из всех других стран против такой потенциальной гегемонии. По мере необходимости, она сама вступала в союз с такой коалицией для того, чтобы перевесить силы очередного противника. Черчилль описывает такой переломный пункт в английской политике накануне Второй Мировой войны:

"Это были все консерваторы. Настроение было возбужденное. Всё сводилось к одному: Мы должны привлечь Россию. На меня произвела сильное впечатление эта сила настроений Тори, показывавшая до какой степени они отбросили все соображения о классовых, партийных или идеологических настроениях". Такая попытка перед началом Второй Мировой войны в 1939 году не удалась, ибо Гитлер и Сталин тогда успели договориться раньше.

Двумя главными направлениями такой политики создания "нового равновесия" во время самой войны было вовлечение в нее СССР и США. Сегодня невозможно восстановить даже в общих чертах историю этих глубоко законспирированных сложных акций. Однако, общеизвестны усилия Черчилля предупредить Сталина о готовящемся нападении Третьего Рейха на СССР, а также и недоверие Сталина к подобным информациям, принимаемым им за провокацию. Независимо от того, как развивались тогда приготовления Сталина к включению в нужный момент СССР в "империалистическую войну", несомненно, что со стороны Англии тогда было предпринято все возможное для как можно более скорого открытия второго фронта против Германии. Однако, лидеры Великобритании не могли не знать идеологической доктрины Гитлера по этому вопросу, недвусмысленно выраженной в его "Майн Кампфе": Германия не может и не должна вести войны на два фронта.

Поэтому в провокационные планы для вовлечения СССР в войну, входила в первую очередь ликвидация гитлеровского проекта "Морской лев" – высадки десанта на Британские острова. Ликвидация этого плана началась с эвакуации британской армии из Дюнкерка. Если бы эта армия попала в немецкий плен, что логически следовало ожидать, исходя из создавшегося тогда военного положения, то немецкая высадка в Англии была бы неизбежной, конечно, если бы до этого сама Англия не пошла бы на какой-нибудь договор с Германией. Возможно, что для этого произошла бы перемена правительства в Англии, как на это намекают некоторые авторы. Значит, исходным пунктом для всех этих стремлений к расширению войны была необходимость не допустить плена британской армии под Дюнкерком. Сегодня многие думают, что такие действия в рамках жесткой тоталитарной диктатуры Гитлера были невозможны, из-за ее идеологической и организационной монолитности. Однако, именно в таких неестественных монолитных структурах часто происходят самые невероятные провокации. Кроме того, исторический анализ не может исходить из предположений "а priori", а должен следовать заключениям "а постериори". В данном случае, заключение простое и ясное: Герингу удалось уговорить Гитлера отдать приказ молниеносно наступающим немецким танковым соединениям остановиться перед Дюнкерком, давая таким образом возможность Англии эвакуировать 338.000 человек. Вскоре после этого, немецкие планы для высадки в Англии были отменены. Начались приготовления к нападению на СССР. Всем известна идиотская расовая теория Гитлера, считавшего, что англичане тоже принадлежат к "высшей германской расе". Однако, ни эта идеология Гитлера, ни известное бахвальство Геринга, что, мол, "Люфтваффе сама справится с английской армией", не объясняют полностью этого приказа наступающей немецкой армии стать на месте. Напрашивается вопрос: кто же был провокатором за спиной хвастуна Геринга? Подобный же вопрос напрашивается и при анализе последующей "восточной политики" Германии на занятых территориях СССР: кто был провокатором за спиной Розенберга и его Восточного министерства, проповедующего превращение русских "унтерменшей" в "удобрение для Великой Германии"?

Закулисная сторона вовлечения США во Вторую Мировую войну еще более строго законспирирована. Черчилль в своих мемуарах подробно описывает свою переписку с Рузвельтом в начале этой войны. Из нее со всей очевидностью следует несомненная общность идеологической почвы обоих корреспондентов. Однако, чтобы помочь Англии победить

Германию, Рузвельт понимал, что в конечном итоге США придется открыто включиться в эту войну. Для чего ему было необходимо предварительно добиться в третий раз победы на президентских выборах в 1940 году в США. Но, для такой победы нужно было обещать избирателям, что США не вступят в европейскую войну. Обе цели взаимно исключались, но преодоление таких несовместимостей и является одной из задач современной политики. Очевидно, что наилучшим выходом являлось бы нападение на США, ибо в таком случае несовместимость между желанием войти в войну и собственными обещаниями о невхождении в нее автоматически бы устранялась. Практически единственной возможной альтернативой для такого нападения была Япония. Но сама Япония тогда стояла перед выбором: нападения на СССР, либо на США. Против нападения на СССР было два аргумента: 1. Японцам трудно воевать в климате Сибири, что японскому генеральному штабу стало ясно после пребывания японских военных частей в Приамурье в начале 20-ых годов. 2. Неудачное для японцев сражение с советской армией под Халкин Голом в конце 1930-ых годов.

В пользу же нападения на СССР говорил факт первоначальных крупных поражений советской армии в течение первых месяцев после 22 июня 1941 года. К началу зимы немецкие войска подходили к Москве и к Санкт-Петербургу, а в немецком плену оказалось несколько миллионов советских военнопленных.

Один современный документальный фильм, недавно показанный на экранах западного телевидения, прямо говорит о том, что если бы Япония напала в декабре 1941 года на СССР, а не на США, то, по всей вероятности, коммунистический режим в России не устоял бы, ибо в таком случае было бы невозможно перебросить дальневосточные войска на немецкий фронт. Одновременно, говорится в этом фильме, США не имели бы предлога для вхождения в эту войну. Интересно, что известные данные о деятельности немецкого коммунистического шпиона Зорге в Японии тоже указывают на некий дуализм в этой сложной провокационной игре: Сталин отказывался верить донесениям Зорге о нападении Германии на СССР 22-го июня 1941 года, но поверил его донесениям о нападении Японии на США в начале декабря этого года, вследствие чего он и дал приказ о переброске сибирских частей для спасения Москвы.

Перекрытие США и Голландскими колониями на Дальнем Востоке поставок нефтяных продуктов Японии обыкновенно рассматривается как попытка "убедить японцев отказаться от агрессии в южном направлении". Однако, вряд ли эта нефтяная провокация могла преследовать цель натравить Японию сперва на СССР. Она скорее обозначала, что Японию толкали направить свою агрессию в обратном направлении, на юго-восток. Ведь на русском Дальнем Востоке нет нефти, без которой современная война невозможна, что японцы не могли не знать. Да и сами США никак не могли быть заинтересованы в том, чтобы Япония открыла второй фронт против СССР, на руку Гитлеру. Во всяком случае, в выше указанном документальном фильме прямо говорится, что если бы Япония напала на СССР, а не на США, то сегодняшней мировой порядок был бы совершенно иным. Чтобы закончить этот краткий обзор тогдашних стратегических альтернатив, нельзя не отметить упорные указания на то, что Рузвельт все-таки что-то знал о готовящемся нападении на Перль-Харбор. Даже иногда высказываются предположения, что он мог приказать заблаговременно отвести оттуда авиаматки США. Если это действительно так, то почему же он тогда оставил в Перль-Харборе весь остальной флот? Неужели для того, чтобы наступившая затем катастрофа вызвала психологический шок, необходимый для оправдания нарушения предвыборных обещаний?

Ядро многослойной системы

Зародыш возникшего в результате этой войны **нового мирового порядка** был заложен за несколько месяцев до нападения Японии на США. В начале августа 1941 года состоялась секретная встреча Черчилля и Рузвельта в море, на бортах военных кораблей США и Англии перед Террановой. 14 Августа 1941 года была обнаружена так называемая Атлантическая Хартия, состоящая из восьми пунктов. Как сказано во введении к этим пунк-

там, США и Объединенное Королевство *"находят подходящим опубликовать некоторые общие принципы, лежащие в основании надежд на лучшее будущее мира"*. В этих пунктах выражается отказ от территориальных претензий этих двух стран и вообще от перемен территориальных границ, без свободно выраженного согласия соответствующих народов. В заключении, в восьмом пункте говорится о стремлении принять все нужные меры, чтобы облегчить непосильную тяжесть вооружений, которую должны сносить "народы, любящие мир". Конечно, эти 8 пунктов были только лишь видимой частью достигнутых соглашений. О том, что были и другие, открыто признался Черчилль в своей речи через 10 дней, 24 августа 1941 года, назвав эти соглашения **символическими**, и указав на достигнутое единство англоязычных наций и на их *"решение **взять на себя направление и судьбу всех трудящихся масс на всех континентах**"*.

В данном случае, эпитет "символическое соглашение" также обозначал завуалированность намерений, ибо и границы воевавших государств после этого часто менялись без какого бы то ни было согласия их народов (как это было в случае территории СССР, т. е. территории бывшей Всероссийской Империи, и Югославии), а вместо разоружения мы до сих пор видим не только стремление к самому ухищренному вооружению, но и вообще широкую продажу оружия во все уголки мира. Между прочим, фарисейский характер провозглашаемых намерений этой встречи символически выразился тогда в пении моряками на военных кораблях старой рыцарской песни "Христианские рыцари", в честь Рузвельта и Черчилля. Сегодня уже никто, ни в США, ни в Англии, даже не попытался бы спеть песню, провозглашающую такое "христианское рыцарство". Основным реальным стержнем этой Атлантической Хартии было заключение **"специальных отношений"** между Англией и США для **гегемонии во всем мире**. Именно это соглашение стало центральным ядром всей последующей сложной и многослойной сети разных международных содружеств, пактов и союзов. Но в центре этой паутиновой сети и сегодня продолжают находиться только эти две нации. Сегодня он принял форму глубоко законспирированной организации, занимающейся всемирным сателлитным шпионажем всех телекоммуникаций во всем мире, с базами в США, Англии, Канаде, Австралии и Новой Зеландии.

Вскоре после атлантической встречи состоялись встречи с участием Сталина, а затем, в августе и сентябре 1944 года, и представителей Национального Китая. На этой последней встрече вблизи Вашингтона было решено создание Объединенных Наций вместо Лиги Наций. Наконец, в феврале 1945 года состоялась Ялтинская конференция, во время которой было принято решение о включении Франции в число стран, которые должны оккупировать и администрировать побежденную Германию. Таким образом, к первоначальному ядру 1941 года сначала был присоединен СССР, затем Китай и наконец Франция. Так окончательно укомплектовалась "великая пятерка", для возглавления Объединенных Наций. Однако эта "пентархия" не была однородной, а всего лишь "символической". Символичность относилась и к самому термину "демократия", каковой одинаково прилагали к себе все члены той пентархии. Посему, вскоре после конца войны, уже в 1949 году, учреждается Организация Северо-атлантического договора, в английском сокращении "НАТО", состоящая из США, Канады и западно-европейских стран, то есть из стран, лежащих по обе стороны Северного Атлантического океана. Публично и официально объявленные цели этого пакта сводились в две группы: 1. Создать союз государств прилегающих к Североатлантическому океану. 2. Объединить их для защиты от стран так называемого "Коминформа", созданного в декабре 1948 года, вскоре после коммунистического переворота в Праге (в феврале 1948) и блокады Берлина (в июне 1948). Конечно, тогдашний всеобщий страх перед интернациональным коммунизмом, вскоре захватившем в свои руки Китай (за исключением острова Формозы, затем переименованного в Тайвань), оправдывал создание такого могущественного военного блока, даже при наличии недавно созданной, с целью "сохранения мира во всем мире", ООН. Но именно этот страх перед коммунизмом тогда не позволил разглядеть хотя бы неясные контуры других, более отдаленных, целей, при создании такой колоссальной геополитической структуры.

Даже когда через четыре года, в 1952 году, в НАТО вступили Греция и Турция, которые уже никак нельзя отнести к "атлантическим странам", никто на это не обратил чрезмерного внимания. (До этого, из 12 первоначальных стран, 10 лежали на берегах Североатлантического океана. Лишь Италия и Люксембург были исключениями, хотя Люксембург входил в "Бенелюкс", вместе с Бельгией и Голландией). Также, мало кто обратил особое внимание на тот факт, что включение Китая в коммунистический блок в том же году, когда было создано НАТО, произошло не без соучастия США. Сегодня, задним числом, нельзя полностью исключить предположение, что и советский и китайский коммунизм были тогда использованы как пугало, для подспудного создания совершенно новых мировых структур, под покровом "борьбы с коммунизмом". Да и сам коммунизм в своих истоках в России, а затем и в Югославии, систематически и планомерно создавал псевдоюридические оправдания для сегодняшних акций НАТО, диктуя новые искусственные внутренние границы, "автономии" и расчленения, и провозглашая новые, никогда до того не существовавшие, народы. (Например, "мусульманский народ" в Боснии). Когда же пал коммунизм в России, а вместе с ним самоликвидировался и весь "Варшавский пакт", бывший военно-политическим воплощением "Коминформа", для борьбы с которыми и было официально создано НАТО, вполне естественно было ожидать и скорое сворачивание самого НАТО. Однако, как раз в этот момент (вернее чуть раньше), впервые выявились подлинные цели НАТО, до того скрывавшиеся.

Именно эта организация и является логическим и органическим продолжением и развитием того первого Атлантического договора, достигнутого в августе 1941 года. Повидимому, она с самого начала и была задумана в качестве главного инструмента для провозглашенного в 1941 году намерения "взять в свои руки судьбу всех континентов". Однако, первоначально это было невозможно открыто признать, ни в Уставе НАТО, ни в ее общей пропаганде. Этому мешали Ялтинские соглашения, поделившие мир на две большие сферы. (Вернее, на три, ибо не вошедшие в этот раздел страны оказались в так называемом "третьем мире"). Причем этот раздел был проведен немилосердно по живому телу нескольких стран: Германии, Кореи и Вьетнама (а затем и Китая). Повидимому, эти ялтинские соглашения были все-таки довольно прочными, вплоть до их ликвидации на Мальтийской встрече Горбачева и Буша, на основании, может быть, каких-то еще истории не известных договоренностей. Это видно из соблюдения установленных водоразделов даже в таких случаях, как война в Корее и восстания в Венгрии и Чехословакии. Первым нарушением было включение Кубы в советский блок, хотя она несомненно лежала в сфере США. Но, в данном случае, вероятно было достигнуто какое-то дополнительное соглашение между Кеннеди и Хрущевым. Затем отдача Южного Вьетнама была несомненным поражением, в конечном итоге признанным. Симметрично-зеркальным случаем была Афганская война.

Но во всех этих региональных конфликтах НАТО еще находилось как бы под ялтинским колпаком. Первым, предварительным прорывом была Мальвинская война, каковая несомненно лежала вне первоначальной территории, подлежащей юрисдикции НАТО, согласно ее уставу. Но это еще было до Мальты. После коллапса коммунизма и последующей ликвидации Варшавского пакта, казалось бы, отпали предлоги для существования НАТО. Однако вместо того, чтобы сокращаться, а затем и самоупраздниться, НАТО стало расширяться на Восток, удаляясь от берегов Атлантического океана. Таким образом, само по себе выявилось, что подлинные цели НАТО в действительности существенно превосходили цели, провозглашенные в ее уставе. Однако, изменение этого устава явилось бы очевидным признанием изначальной фальши, а посему и было принято решение произвести нужные изменения в политическом статусе НАТО с помощью создания совершенно новых **прецедентов**, для утверждения её будущей роли в новом мировом порядке. Для создания такого прецедента было решено произвести военную агрессию НАТО против Югославии, одной из стран-учредительниц Объединенных наций. Она преследовала одновременно несколько целей:

1. Изменить де-факто доктрину НАТО, в том смысле, что она имеет право односторонне вмешиваться во внутренние дела других государств, не являющихся ее членами и не находящихся на ее территории.

2. Де-факто свести на нет установку Объединенных наций и Хельсинкских соглашений о ненарушимости территориальных границ суверенных государств.

3. Наглядно продемонстрировать программу будущих действий НАТО в рамках нового мирового порядка.

4. Создать юридический прецедент для ликвидации основной установки всех доселе существовавших европейских цивилизаций: принципа объективной и одинаковой для всех справедливости и необходимого **правосудия прежде любого наказания**. Достижение этих целей должно было положить **конец европейской цивилизации**, основанной на греко-римском и христианском наследии, и заменить ее новой (североатлантической?) цивилизацией.

Очевидно, что эта попытка всётаки не удалась вполне. Поэтому делаются судорожные усилия хотя бы создать прецедент для оправдания нового "правосудия", но уже основанного не на правде, а на **мести и дискриминации**. В связи с этим нельзя не обратить внимание на её несомненный дискриминационный антиправославный и расистский (антиславянский) характер. Повидимому, к началу 3-го тысячелетия наступила очередь ликвидации остатков еще выживших "отличительных культур".

Будущее атлантической гегемонии и будет состоять из таких акций и сопротивлений против них. Если таковые сопротивления вообще будут возможны.

Б. Константинов

Многосторонняя система «больших экономических пространств»

(Кадетское письмо, № 40. Июль 2004 года)

Срыв в Ираке североамериканской политики, претендующей установить свою **одностороннюю гегемонию** в мире, автоматически вызвал существенную перестройку вдвигающихся всемирных глобальных структурах.

Своего рода увертюрой к иракскому срыву была частичная неудача интервенции в Косово, пять лет тому назад. Хотя в этой интервенции принимали участие также и европейские страны, под ширмой НАТО, чего в Ираке не удалось достичь, коренной причиной обоих конфликтов была претензия **изменить дух международного права**.

Тогда, во время косовской агрессии, в «Кадетском письме» № 20, от июля 1999 года, была частично перепечатана статья на эту тему из одного местного сербского церковного журнала, в которой отечалось:

*«Предупреждение Клинтона, от 22 июня 1999 года, что он не поколеблется **атаковать любую часть планеты** так же, как он сделал это по отношению к Югославии, подтверждает конец так называемой «западной цивилизации». Эта цивилизация основывалась на трех началах: на ветхозаветной идее **беспристрастности** («неодинаковые веса, неодинаковая мера, то и другое – мерзость перед Господом», Притчи Соломоновы, 20, 10), на эллинской идее **справедливости** и на римской идее **права**... Если же одна единственная персона в мире станет исключительным глобальным судьей и арбитром и, одновременно, палачом, приводящим в исполнение свои собственные приговоры, в нарушение всех вышеперечисленных принципов, то это отнюдь не обозначает конец таковых, а лишь конец той цивилизации, которая на них покоилась и которая теперь **сама от них отрекается**».*

Однако, иракский конфликт показал, что «старая Европа» (как ее презрительно назвал министр обороны США Рамсфельд) еще не всегда может полностью и окончательно отречься от вышеназванных принципов своей цивилизации. Правда, Западная Европа отказалась от упоминания своих христианских истоков в своей Конституции, и даже поставила свою традиционную христианскую символику в тень под языческо-гностическими пятиконечными звездами, но все же отказаться одновременно также и от своих ветхозаветных, эллинских и римских корней ей все-таки нелегко. В этом отношении особенно Франция, в лице своего тогдашнего министра иностранных дел, блестяще защищала эти начала западно-европейской цивилизации.

Даже в Англии, формально состоящей в Европейском союзе, но на самом деле являющейся безоговорочным «специальным компаньоном» США, стали раздаваться голоса против отхода от международного права. Так, лондонская газета Financial times недавно писала, что если даже осуждение применения пыток, согласно определению соответствующей международной конвенции, не применимо вполне к США, ибо они при ее ратификации в 1994 году сделали оговорки в этом смысле, все же, их собственный закон от 1992 года провозгласил незаконность применения пыток американскими гражданами за границей. Чтобы обойти этот закон, был выдвинут тезис, что место заключения пленных на базе Гвантанамо, на Кубе, является территорией США. Но, одновременно, заключенным на этой базе было отказано в праве обращаться к судам США, ибо эта военно-морская база США должна считаться иностранной территорией. Абсурдность такой двойственной позиции была подтверждена Верховным Судом США.

Кроме такой дискуссии о международном праве, иракский конфликт вызвал также довольно глубокие перемены и в области глобальной геополитики. Во-первых, этот конфликт вызвал раскол среди ведущих стран НАТО: с одной стороны – США и Англия, а с другой – Франция и Германия, и между ними Испания и Италия. Таким образом, оказалось, что НАТО все-таки не всегда является верным инструментом североамериканской гегемонической политики. Во-вторых, в результате такого раскола, в мире стали довольно ясно вырисовываться контуры потенциально возможных новых комбинаций и моделей.

В данном случае, Франция и Германия образовали одно совместное геополитическое поле, немедленно вступившее во взаимодействие с другими геополитическими полями, как, например, Россия, Китай и Индия. При этом, обвинение со стороны США, что такое европейское геополитическое поле, с франко-германским ядром, является **«старой Европой»**, до некоторой степени правильно. Действительно, в самих истоках образования западноевропейской цивилизации лежит тогдашнее **Франкское Государство**, достигшее своего апогея в момент коронования папой римским Карла Великого императором в 800-ом году. Затем, уже при его детях, это государство разделилось, и из него обособились Германия и Франция (тогда Ost Frankenreich и West Frankenreich).

Одновременно с этими процессами в сложной системе глобальных военно-геополитических структур, в Западной Европе продолжают дальше развиваться свои внутренние процессы политического и экономического объединения. Как известно, старый проект Европейского Содружества впервые принял конкретные формы в 1951 году, в виде так называемых Римских договоров. Вначале Европейское Экономическое Содружество состояло из 12 членов, к которым позже присоединилось еще 3 страны, а в мае месяце сего года еще 10 стран, принадлежавших раньше к бывшему советскому блоку.

Как недавно писал известный итальянский политический комментатор Серджо Романо в «Корриере делла Серра», в свое время, когда принималось решение расширения Европейского Содружества, анализировались две альтернативы: 1. Сохранить первоначальное **ядро** 12-и стран (Бельгия, Великобритания, Германия, Голландия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Люксембург, Португалия, Франция), придавая им постепенно **федеративную** структуру. Вокруг такого центрального ядра постепенно создавать концентрические кольца из других стран, связанных с ядром и между собой конфедеративными

узами. 2. Принять в несколько этапов ряд новых стран в Содружество, на равных правах и на одинаковых **конфедеративных** условиях.

Первая альтернатива была реалистичнее, ибо она учитывала действительное положение вещей в Европе, со странами **на разном уровне** общественно-экономического развития. Такая альтернатива, по всей вероятности, привела бы к созданию сильного в политическом и в экономическом отношениях центрального Европейского ядра, которое бы затем усиливалось создающимися вокруг него кольцами из стран-сателлитов.

Однако, как утверждает Серджо Романо, такое чрезмерное усиление западноевропейского центрального ядра противоречило бы геополитическим и экономическим интересам Великобритании и, по-видимому, также и США. (Уже Черчилль в своей «Истории Второй Мировой войны» признает, что главной целью британской политики в течение последних веков было стремление к недопущению усиления ни одной из европейских держав. В данном же случае, все главные западноевропейские страны соединились прочными федеративными узами, что вело к созданию сильного геополитического ядра). Серджо Романо утверждает, что Англия в данном случае опять «выиграла», не допустив создания такой кольцеобразной Западной Европы. В результате, восторжествовала альтернатива большой, но **разжиженной и разбухшей** Западной Европы, с весьма разнородными группами стран.

Затем, в конце июня сего 2004 года, на встече НАТО в Константинополе, США в свою очередь стали толкать Западную Европу к еще большему разжижению, требуя включения даже Турции в Европейский Союз. Это вызвало исключительно резкую реакцию французского президента Ширака, указавшего, что США не должны вмешиваться в европейские дела, ибо Европейский Союз не вмешивается в отношения между США и соседней Мексикой. В ответ, Буш обвинил Европу в религиозной дискриминации, ибо она не желает иметь в своей среде стран с «иной религией». Однако ни Западная Европа, ни США даже и не заикнулись о религиозной дискриминации в самом Константинополе, где они заседали, в котором Святая София, являющаяся главным Храмом Православного Христианства, до сих пор продолжает быть оскверненной и незаконно отчужденной от Православной Церкви.

Чтобы добиться некоей однородности между старыми и новыми членами Европейского Союза, придется совершать колоссальные капиталовложения центральных стран в новые периферийные страны, в течение многих лет. Западная Германия за последних 13 лет вложила в бывшую Восточную Германию более биллиона (миллиона миллионов) евро. Несмотря на это, социально-экономическое положение в этих двух частях Германии до сих пор отнюдь не выведено на более или менее одинаковый уровень.

По-видимому, Европейский Союз тоже будет обречен на многолетнее «переваривание» новых стран, которые при этом уже теперь претендуют на политическое равноправие, и даже на право на вето, несмотря на сильное экономическое неравенство. Это может затормозить, до некоторой степени, экономический рост этого Союза и развитие его политического удельного веса. Тем более, что координация внешней политики Европейского Союза до сих пор никак не удастся, при одновременном отсутствии в Западной Европе военной мощи глобального значения.

Однако, можно предполагать и иные потенциальные возможные модели. Дело в том, что нельзя забывать сильного немецкого влияния в этих европейских проектах. Сегодня мало известны старые планы ведущих немецких экономических кругов. В течение Второй Мировой войны, государственные учреждения Германии изучали экономическое устройство мира после войны, а немецкая промышленная верхушка (Reichsgruppe Industrie) даже создавала институты для разработки далеко идущих экономических проектов для так называемой, уже тогда, «новой Европы». Затем, когда выяснилось, что ход войны ставит под сомнение победу Германии, были выдвинуты альтернативные планы, на случай поражения. Именно в ходе разработки этих планов и была выработана терминология, частично уже тогда предвосхищавшая современную европейскую терминологию, как, например, «Европейское Экономическое Содружество» (Europäische Wirtschaftsgemeinschaft) и «Большое экономическое пространство» (Grosswirtschaftsraum). Эти планы имели главной целью эко-

номическую и финансовую гегемонию Германии в Западной Европе, независимо от ее политических форм.

Если исходить из такого предположения Европы, понимаемой, в первую очередь, как **большое экономическое пространство** (Grosswirtschaftsraum), то это неизбежно приведет к равноправному признанию **и других экономических пространств**, независимо от их военно-политического голоса. Уже в 1940-ом году, экономический Департамент Немецкого Рейхбанка, в своем исследовании от 20 июня о **валютных полевых проблемах**, разделил весь послевоенный мир на «**зоны интересов**», на основании таких «**больших экономических пространств**». (Эти данные взяты из книги Ральфа Джордано «Если бы Гитлер выиграл войну»: Ralph Giordano. *Wenn Hitler den Krieg gewonnen haette*. Hamburg, 1989).

На самом деле, сегодня мы видим, что Германия активно развивает свои связи и отношения и с другими экономическими пространствами современного глобального мира, как-то Китай, Юго-Восточная Азия, Россия, Африка, Арабский мир и Латинская Америка. Новое европейское периферийное кольцо вокруг старого центрального европейского ядра является лишь **системой подпорок** для главной европейской экономической платформы, вступающей в сложную и **многостороннюю взаимосвязь** со всеми иными платформами. Интересно, что концепция, лежащая в основе такой **многосторонней модели**, начинает повсеместно почти стихийно пробиваться на поверхность. На состоявшейся в Мексике в июне сего года встрече латиноамериканских стран, президент Мексики Фокс недвусмысленно объявил такую **многостороннюю модель** желательной, в глобальных и в региональных масштабах.

Таким образом, после падения всемирной **двухполюсной модели**, возникшей во время так называемой «холодной войны», до сих пор еще окончательно не установилась новая всемирная геополитическая модель. Двухполюсная модель кончилась, когда один из двух полюсов иссяк политически и экономически для обеспечения минимального паритета между двумя полюсами. Так в мире возникла «однополюсная ситуация», но это была лишь **временная**, переходная стадия. Возникшее искушение сохранить в мире надолго такую «однополюсную модель» было наивным. Если при «двухполюсной модели» автоматически происходила ориентация всего мира на один из двух полюсов, наподобие магнитной ориентации, то «однополюсная» система скорее подобна **паутиновой сети**. Однако, для осуществления такой модели необходимо наличие реальных способностей (военных, политических, культурных и разведывательных) реально доминировать, в кратчайший срок, над любым, даже самым отдаленным, уголком паутины (повсюду **однородной**). А также обладать устойчивым внутренним консенсусом для принесения необходимых для этого усилий и жертв. +

П. Н.

Европейские мифы

(«Кадетское письмо», № 51. Апрель 2007 г.).

«Большая Европа... выходит за границы Западной.»
(Peter Schreiner, Кёльнский Университет.
Lo Stato bizantino. Silvia Ronchey. 2002, Torino.)

В прошлом месяце марте 2007 года произошло совпадение нескольких годовщин: 400-летие всенародного покаяния в 1607 году в России, 100-летие Второй Гагской мирной конференции в 1907 году, 90-летие вынужденного февральским мятежом неконституционного отречения Государя Императора Николая Второго, ставшего детонатором Катастрофы 1917 года, и 50-летие образования Европейского Союза в 1957 году. Также можно отметить

и 8-летие начала бомбардировок Югославии авиацией НАТО, 80 % жертв каковых было гражданское население.

История человечества, особенно с ее ускоряющимся ритмом в течение последних веков, сильно насыщена многими годовщинами. Анализ каждого из отмечаемых событий, если он сделан последовательно и без боязни дойти до **самых корней** анализируемого события, зачастую может нам нарисовать широкую картину всей мировой истории.

Сегодняшний **анализ причин образования Европейского Союза (ЕС)** в первую очередь должен учитывать комментарии во время самих торжеств по этому поводу. Ведущие лидеры ЕС пересказывали на многие лады, что причины возникновения этого **содружества**, затем переименованного в **союз**, были: желание положить конец междоусобным войнам в Европе, создать основы для сотрудничества в экономической и общественной жизни и обеспечить благосостояние и мир её народам.

Однако, иногда также вскользь отмечалось, что кроме этих **официальных** причин были также и причины иные. Оказывается, первым толчком для этого процесса было стремление французских государственных деятелей Роберта Шумана и Жана Монне создать экономическое объединение в области добычи и обработки **угля и стали**. Франция тогда стремилась поднять на ноги свою промышленность и хотела сильно увеличить свою продукцию стали, для чего требовался уголь из немецкой Рурской области. В некоторых репортажах было раскрыто, что французские лидеры тогда боялись повторить ошибку Франции после Первой Мировой войны, когда она пытались распорядиться в Рурской области путем прямого над ней контроля. Одновременно, Германия желала вернуть себе свой **суверенитет**. Поэтому, когда тогдашнему канцлеру Западной Германии Конраду Аденауэру было сделано это французское предложение ассоциации для эксплуатации стали и угля, он в этом увидел предлог для восстановления **суверенитета Германии**, хотя бы для ее западной части, потерянного в результате её катастрофического поражения в 1945 году. Так был подписан 18 апреля 1951 года Парижский договор по углю и стали, который также назывался «**Монтанунион**», ставший краеугольным камнем для «Европейского экономического содружества», формально образованного через шесть лет, 25 марта 1957 года, в Риме.

Казалось бы, что причины создания Европейского Союза уже налицо, и никакого сомнения они не могут вызывать. Однако, оказывается, что уже в 1949 году Винстон Черчилль произнес речь о необходимости создания **Соединенных Штатов Европы**. Эта речь перекликалась с другими тогдашними эпохальными выступлениями Черчилля, каковые имели одну общую цель: создать **оплот против коммунистического блока**, возглавлявшегося СССР. Таким образом, оказывается, что, кроме экономических, были также и геополитические причины для создания Европейского Союза, как сильного противовеса по отношению к СССР и его блоку.

Если продолжить поиски еще более глубоких пластов этого исторического процесса, оказывается, что за пять лет до Черчилля, во время Второй Мировой войны, президент США Рузвельт провозгласил необходимость «**крестового похода за Паневропу**». Дальнейшее исследование вглубь истории прецедентов такого курьезного названия, как «Паневропа», наталкивается на два неожиданных и между собой как будто бы несовместимых проявлений этой идеи. Один из вождей «великой коммунистической революции» и создатель «Красной армии» и её символов, Лев Троцкий, в 1923 году официально заявил, что необходимо создание **Соединенных Штатов Европы**, но с оговоркой, что эти Штаты, конечно, должны быть советскими. Этому лидеру интернационального пролетариата, прибывшему в Россию с паспортом США, вдруг начал вторить консервативный и аристократический австрийский геополитик граф Ричард Николай фон Куденхове-Калерги, который в том же 1923 году даже написал книгу под названием «**Паневропа**». Затем он организовал движение для создания Соединенных Штатов Европы, с голубым флагом и желтыми пятиконечными звездами. Троцкий предлагал такие же звёзды, но на красном флаге.

Движение графа Куденхове-Калерги тогда нашло довольно широкую поддержку, особенно среди либеральных кругов Западной Европы. Перед занятием Австрии Германией

граф бежал сперва в Швейцарию, а затем в США, но после войны снова вернулся в Европу. В 1950 году граф Куденхове-Калерги оказался первым лауреатом новосозданной **европейской премии** имени Карла Великого, под названием «Карлспрейс». (Как известно, Карл Великий в 800 году был незаконно провозглашен Папой Римским императором Запада, с каковой даты, как считает английский историк Арнольд Тойнби, и начала существовать независимая Западная Европа).

Продолжая наш анализ вглубь истории, неожиданно и к великому изумлению можно узнать, что уже во время Первой Мировой войны «великий вождь интернационального пролетариата», сидевший тогда в безопасности Швейцарского нейтралитета, со счетами в Швейцарских банках на свое имя (которые еще до недавнего времени фигурировали в их опубликованных списках), в 1915 году был первым, кто написал статью о том, что необходимо создавать Соединенные Штаты Европы. В передовице официального органа своей партии «Социал-Демократ», в № 44 от 23 августа 1915 года, Ленин критикует партийную оппозицию за её сопротивление этой идее объединения Европы. Эта идея отнюдь не противоречит идее пролетарской революции, ибо она усиливает её **демократический характер**, утверждает в этой своей передовице Ленин. По-видимому, этот интернациональный пролетарский вождь имел доступ к конспиративным трудам **интернационального подполья**, перманентно разрабатывающего в своих идеологических мастерских **альтернативные схемы** для манипуляции историей. Интересно отметить, что Ленин при этом говорил о необходимости ликвидации трех европейских империй: Всероссийской, Австро-Венгерской и Германской. Однако возможно, что сама по себе идея такого Европейского Союза не зародилась в подпольных кругах конспиративных мастерских, к которым очевидно принадлежали вышеназванные «посвященные» инициаторы этого движения. Необходимо отметить, что эти схемы, разрабатывавшиеся так давно, по-видимому, исходили из идеи писателя Виктора Гюго, высказавшего уже в 1849 году, на Международном мирном конгрессе, что было бы желательным создать Соединенные Штаты Европы. (Хотя, может быть, сам Гюго тоже принадлежал к этим подпольным мастерским). Таким образом, мы можем вывести из всего вышесказанного следующую схему действий:

1. У кого-то зарождается яркая творческая идея.

2. Эта идея подхватывается и подспудно разрабатывается, для придания ей формы **политической схемы**. Причём, одновременно разрабатывается несколько аналогичных альтернативных схем, которые затем «консервируются» и кладутся в запас, на случай их пригодности в будущем, в зависимости от развития событий.

3. Смотря по необходимости, эти схемы выбрасываются в общественность с разных сторон лидерами разных партий и направлений, для их внедрения в сознание и подсознание широких масс.

4. Когда же происходит совпадение нескольких конкретных исторических условий для выдвижения оппортунистической инициативы, то такая инициатива поручается одновременно нескольким застрельщикам, вынырнувшим из общих подпольных структур, чтобы заготовленную схему с её символами попытаться претворить в жизнь. Если с первого раза не получается, то делаются повторные попытки.

Так возникают **новые мифы**, являющиеся схематизированными идеями-замыслами, со временем возводимыми в категорию своего рода «**табу**». Эти современные мифы на самом деле являются инструментами психологической массовой агрессии, применяемой для достижения определенных политических целей. Другими словами, это одна из разновидностей **психологического оружия**. Современная история человечества знает несколько таких особенно нашумевших новых мифов. Самый громкий из них был несомненно «**Миф XX века**», как назывался одноименный труд Альфреда Розенберга, одного из главных идеологов национал-социализма. Это был миф о необходимом господстве «**высшей расы**». Миф же «**борьбы классов**» должен был привести к господству «**вождей мирового пролетариата**», а миф насильно и повсюду насаждаемой всеобщей демократии и «человеческих прав» – к господству самих создателей подобных мифов и их приспешников.

Встает неизбежный вопрос: чем же отличаются новые мифы от **древних**? Древние мифы были **баснями**, в которых делались попытки **аллегорического объяснения** существенного **смысла** особенно важных для жизни явлений, причины и структуры каковых еще не поддавались точному научному объяснению. Древние мифы содержали много анахронизмов, но не нуждались во лжи, ибо они и не пытались давать научные ответы, а лишь интуитивно и аллегорически объяснить смысл и целенаправленность тех или иных явлений.

Таковым был древний **миф о возникновении Европы**. Само это имя принадлежало одной финикийской царевне, похищенной Зевсом, превратившимся для этого в быка. Зевс умкнул Европу на остров Крит, а по другой версии в Беотию. Имя Европы, по-видимому, значит «широколицая», сиречь «лунообразная». Значит, как и сама Афина, Европа не принадлежит к «солнечным» и мужским божествам арийцев, а к «лунным» женским богиням Востока. Может быть в этом мифе отражается исторический факт финикийского происхождения греческого алфавита, лишь обогащенного греками новыми буквами гласных?

Значит, Европа зародилась на Востоке. История нас учит, что, действительно, первая европейская научная мысль возникла в греческой Малой Азии, в городе Милете, где родился и жил первый европейский философ и астроном Фалес Милетский. В этом же городе зародилась и европейская система разбивки городов на кварталы, затем перенесенная Ипподамом Милетским в Афины и этрусками в Италию. С Востока затем в Европу пришла и Христианская Вера, ибо «с Востока приходит Свет».

Новые же мифы не объясняют смысла уже существующих явлений, а пытаются **волюнтаристически изменить** имеющуюся историческую действительность, что требует систематических **ампутаций прошлого** и систематической лжи. Такой процесс **мифотворчества** требует исторических искажений, в рамках каковых он только и может развиваться. Макроисторические рамки для новых мифов создает утверждение, что Западная Европа является единственной и цельной Европой, ибо ни Большой Европы, состоящей из Западной и Восточной, ни двойственной греко-римской цивилизации, ни двойственной Римской Империи, ни Византийской Империи якобы никогда на самом деле не было, ибо всегда была только лишь одна Западная Европа. Этот «**макромиф**» зародился впервые публично в 800 году, когда возникла Франкская Империя Карла Великого. Может быть, поэтому граф Куденхове-Калерги и был первым лауреатом одноименной премии.

Западная Европа сегодня снова пытается **поглотить и включить в себя** все остальные части Большой Европы, без сохранения их индивидуальных отличительных особенностей. Сегодня уже началось поэтапное включение отдельных звеньев **Византийской Европы** (Греции, Румынии и Болгарии) в Западную. Однако, уже давно Де Голль возвестил, что Европа простирается **до Урала**, что тогда вызвало озлобленные заклинания Бжезинского: «*А не захочет ли Китай взять себе русские территории за Уралом?*».

Теперь же, во время торжеств 50-летия, президент Германии Хорст Кёлер снова напомнил, однако без злобы Бжезинского, что вся Европа простирается до Урала. Это необходимо уточнить: Византийская Восточная Европа простирается до Владивостока, подобно тому, как Атлантическая Западная Европа простирается до Сан-Франциско.

В. Михайлов

Кадетское письмо № 93. Буэнос-Айрес, сентябрь 2016 г. XXI год издания.

Бюллетень русских зарубежных кадет. Основан в 1955 году А. Г. Денисенко, кадетом VII выпуска Крымского кадетского корпуса. Не издавался с 1961 года. С 1995 года выходит под новой нумерацией, на правах рукописи. При использовании материалов, ссылка на источник обязательна. **Электронный адрес:** kadetpismo@hotmail.com

Издатель и редактор: И. Н. Андрушкевич, <http://i-n-andruskiewitsch.blogspot.com.ar/>